

**«Время»
Москва
2010**

Лариса Миллер

«Потаённого смысла поимка»

Из новых стихов 2008-2010 гг.

Москва
2010

«Время»

*Поэтическая
библиотека*

Серия основана в 1993 году

Редактор
Лариса СПИРИДОНОВА

Художественный редактор
Валерий КАЛНЫНЬШ

Корректор
Ирина МАШКОВСКАЯ

Разработка серийного оформления
Валерий КАЛНЫНЬШ

Оформление
Юрий ВАСИЛЬКОВ

В оформлении использован
портрет Ларисы Миллер
работы В. В. КАПТЕРЕВА

Миллер Л. Е.

М60 Потаённого смысла поимка. – М.: Время, 2010. – 112 с. – (Поэтическая библиотека).

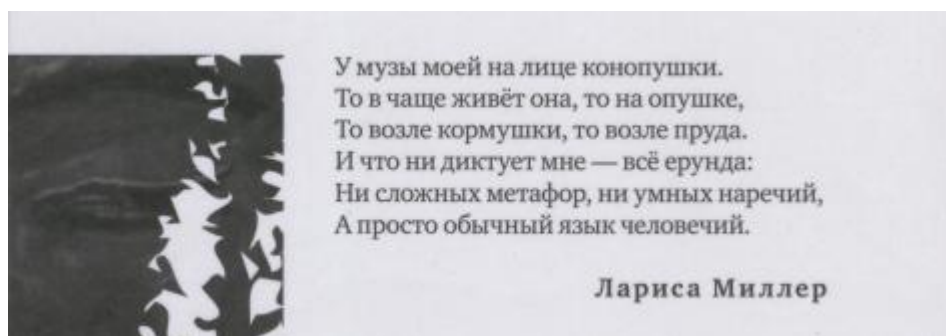
ISBN 978-5-9691-0537-9

Любителям поэзии хорошо известно имя Ларисы Миллер. Глубина чувства, простота и ясность её лирики, безупречный ритм, звукопись, ласкающая слух, – все эти замечательные качества поэтического языка позволяют считать стихи Ларисы Миллер примером современной изящной словесности. В новую книгу вошли лучшие стихи, написанные за последние два года.

ББК 84Р7-5

© Лариса Миллер, 2010
© «Время», 2010

Стихотворение на четвёртой странице обложки:

Краткое содержание

Стихи 2008 года.....	3
Стихи 2009-2010 годов.....	27
Полное содержание.....	61

Стихи 2008 года

Не торопи, не торопи,
В лучах апрельских утопи,
Посеребри снежком летучим,
Дай золотым осенним тучам
Шурша проплыть над головой.
Такое счастье быть живой,
Осилив трудную дорогу,
Позволь шепнуть: «Ну, слава Богу».

Почитаю, отложу,
После снова почитаю.
В тихом доме обитаю,
Чем безмерно дорожу.

В доме тишь, а за окном
Снег задумчивый летает.
Вечность дни мои листает,
Как рука старинный том.

Так тяжело, хоть вроде иду налегке,
И снег под ногами, и свет вдалеке,
На мёрзлых стволах серебрится пороша,
Но давит на плечи незримая ноша.
А вдруг эта ноша – большие крыла,
И зря по земле я устало брела.

Черно-белая картинка.
Штрих на ней, как паутинка.
Жизнь на ней черна, бела:
Дом, дорога, купола.

Хороша гравюра эта.
Вся она из тьмы и света,
Будто есть лишь нет и да,
Только счастье и беда.

Погоди, я с тобой, я с тобой.
Даже если ведут на убой,
Даже если там морок и плаха.
Я не ведаю большего страха,
Чем вдруг выпустить руку твою
И остаться навеки в раю.

* * *

А сегодня в окно поглядела – весна.
Сразу комната стала для жизни тесна,
И туда захотелось, где свет и свобода,
Чтоб ломило глаза от небесного свода,
Чтоб легко по осевшему снегу идти,
Как весёлая девочка лет двадцати.

* * *

Свежий снег мне с утра постелили
И моё пребыванье продлили,
Подарили мне день в феврале,
А вчера я была на нуле.
С благодарностью я принимаю
Дар волшебный и не понимаю,
Что мне делать с подаренным днём,
Как заботиться надо о нём.

* * *

Мне так плохо с собой. Можно возле тебя
Посижу, твой помятый рукав тербя?
Занимайся, чем хочешь: работай, звони,
Кушай яблоко, только меня не гони.
Буду тихо сидеть и не буду мешать
И не буду я планов твоих нарушать.

И вспомнила я телефон-автомат.
Я в будке холодной. Январь. Снегопад.
На будку мою столько снега налипло.
Мне голос ответил негромко и хрипло.
Я в голос далёкий почти влюблена.
Беседа сумбурна, хотя и длинна.
На тихий вопрос отвечаю невнятно.
Зачем я звоню мне самой непонятно.
Но я вспоминаю тот призрачный год.
Осталось с тех пор только несколько нот,
Остался с тех пор лишь мотивчик короткий,
Но я так люблю те щемящие нотки.

* * *

Той зимой я сходила с ума,
Что случится – не знала сама,
Днём и ночью бумагу марала,
И когда он входил, обмирала.
Я не помню тех канувших дат,
Но на улице был снегопад,
А потом всё ушло, улетело,
Снег растаял. Я жить не хотела.

* * *

Ты знаешь адрес мой земной,
И, значит, ты придёшь за мной.
Но я, ей-Богу, не готова,
Ты видишь, у меня обнова.
Она мне, кажется, к лицу,
Нет, не готова я к концу.
Не трогай чёрными крылами,
Займись нездешними делами.

* * *

Уходить нельзя отсюда,
Здесь не вымыта посуда,
Не застелена постель,
Не вполне понятна цель
Пребывания земного,
Завтра буду думать снова,
И, наверное, опять
Мало что смогу понять.

* * *

Я тихонечко лежу,
Я тебе принадлежу.
Мне твой сон сегодня снится,
На щеке моей ресница
Соскользнувшая твоя.
Ровно дышим ты и я.
Сон наш хрупок, но и бденье
Не прочнее сновиденья.

* * *

Какие у меня права
На небо, воздух, дерева?
И кто я им? Случайный житель,
И временна моя обитель.
И всё же каждую зарю
За что-то их благодарю,
Хоть знаю – радуют и светят,
А пропаду, и не заметят.

* * *

Да разве я знала, что будет так грустно,
Ведь жизнь так умеет морочить искусно,
Такие узоры умеет плести,
Что верила – буду и дальше цвести,
Что буду и дальше взлетать и спускаться,
В лучах золотых и горячих плескаться,
Что так вот и будут до крайнего дня
Любить и ласкать и тетёшкать меня.

* * *

Конец зимы. Кружится голова.
Качаются сырые деревья,
И под ногами снег сырой и серый,
И надо жить необъяснимой верой,
Что впереди несметные года
И будет хорошо, как никогда.

* * *

Когда я только начинала,
Я доставала из пенала
То ластик, то карандаши,
И рисовала для души
Кружок оранжевый с лучами,
Тогда летала я ночами,
Любила всё – и дом, и двор,
И покосившийся забор,
Своих чахоточных соседей,
И Юрку на велосипеде,
И даже Деську – злого пса,
И надо мною небеса
Всё время были голубыми,
И, Боже, как жилось под ними!

Нынче ранняя побудка:
Птичка – розовая грудка
На балконе у меня.
Таково начало дня.
Очень славное начало.
Я лежала и молчала,
Чтобы птичку не спугнуть.
Надо в новый день шагнуть.
Но зачем – я не решила,
Потому и не спешила.

Заслони меня облако, дерево, куст.
Всё пугает – и окрик, и шорох, и хруст.
И средь белого дня, и ночами тревожно,
Но на этой земле жить нельзя осторожно.
И смертельно рискую раз двести на дню,
Но тебя, мой родной, я сама заслоню.

Здесь мостик над речкой дощатый и узкий,
Здесь даже трава понимает по-русски.
Здесь так хорошо обо всём говорить
И в поле заросшем тропинку торить,
И, кажется, могут и травы и речка
Едва я запнусь подсказать мне словечко.

Всё давно началось, а когда - неизвестно.
На огромной земле почему-то так тесно,
На огромной земле почему-то так трудно,
Хоть подвижны лучи, и трава изумрудна.
Всё не с нас началось, завершится не нами.
Я сегодня в ночи тосковала по маме,
По ушедшим годам, прошлым вёснам и зимам
На огромной земле, беспощадной к любимым.

А птицы над ухом поют и поют,
Побывать в одиночестве мне не дают,
Я нынче в компании певчей, летучей.
Наверно, назвать меня можно везучей.
Весеннего щебета полон лесок.
Ответить хочу, да не тот голосок.
К тому же они без меня обойдутся,
Не станут на то, что безмолвствую, дуться.

Весенняя поросль, вешняя дымка.
Идёт потаённого смысла поимка,
Поимка того, чему имени нет.
Весенняя дымка, немеркнувший свет.
Вся жизнь протекла за занятием этим,
Ненужном ни травам, ни птицам, ни детям.

Мир этот майский из листьев и трав...
Так и уйдём ничего не поняв.
Щебет и гомон пресветлого мая...
Так и уйдём, мало что понимая,
Так и уйдём, не поняв ни аза.
Видишь, по дереву стекает слеза?
Чувствуешь – пахнет смолою древесной
Мир неизведанный, мир неизвестный.

Я так давно сюда попала,
А мне всё мало, мало, мало,
А мне всё хочется опять
Полынь-траву в ладонях мять,
Вдыхая запах горький, сладкий,
И птичьи наблюдать повадки,
И знать, что нет такого дня,
Чтоб ты, родной, не ждал меня.

А небо тоже одиноко.
Оно, живя от нас далёко,
Тоскует так, что хоть кричи,
И тянет к нам свои лучи.

Я всё о себе, а ведь надо о мире,
И видеть бы надо и дальше и шире.
Но что тут поделаешь? Нет у меня
Такого охвата, такого огня,
Могучего голоса, дерзостной мощи.
Я всё о соседней изменчивой роще,
О том, как живу, своих близких любя.
А вдруг кто-то дальний узнает себя.

Вешним дождиком всё окропило...
Я зачем эту жизнь торопила?
Больше я никуда не спешу,
Просто воздухом свежим дышу
И гляжу как трава серебрится.
Мне ведь больше нельзя торопиться.
Больше нет ничего у меня,
Кроме этого влажного дня.

Не верю я, что это всё.
Ещё случится то да сё,
Ещё взбодрюсь, ещё устану,
Ещё сто раз с постели встану,
Ещё подумаю о том,
Что есть какое-то потом,
А ближе к ночи иль к рассвету
Решу, что ничего там нету.

Мельканье суток и недель,
И тополиная метель
Начнётся через две недели,
Летят мгновенья, как летели,
И значит с ними я лечу,
И на лету стихи строчу
Летучим слогом без нажима
О том, как всё не удержиимо.

А ты заглянул бы в соседнюю рощу.
Там пеночка горлышко птичье полощет,
Там яблони дикой нежны лепестки,
Там воды проточны, шатучи мостки,
Там небо какой-то особой окраски,
Там спящих младенцев катают в коляске.

Кто придумал бересклет?
Он стоит здесь много лет,
Никуда не улетает,
То цветёт, то отцветает.
Я знакома с ним давно,
Но люблюсь всё равно.
Рад и он коротким встречам.
Подтвердить мне это нечем.

Здесь все одиноки: деревья, дороги,
И слабые люди, и сильные боги.
Здесь всем не хватает участия, тепла.
В таком одиночестве жизнь протекла.
Что делали? Руки к кому-то тянули,
А жизнь просвистела стремительней пули.
Уходит когда-то пришедший сюда,
И лишь одиночество живо всегда.

Дожить мечтала до тепла,
А жизнь и дальше потекла.
Она меня с собой уносит,
А вдруг она возьмёт и бросит
Меня на росстани вон той,
Где одуванчик золотой?

Гули, гули, младенец ты мой,
Гули, гули, смотри ненаглядный,
Мир сегодня цветущий, нарядный,
Ни к чему торопиться домой.

Гули, гули, корми голубей.
Видишь, сколько в пакетике хлеба,
И твоё первозданное небо
Во сто крат моего голубей.

Низ зелёный, а верх голубой.
Жить согласна, но только с тобой.
Без тебя - цвета нет никакого –
Ни зелёного, ни голубого.
Без тебя - нет ни ночи, ни дня
И, надеюсь, не будет меня.

Здравствуй, ветка, ты на месте.
Говорю тебе без лести –
Ты на диво хороша.
Будем жить с тобою вместе –
Ты – шурша, а я – дыша.
Мы с тобою постарели,
Но зато какие трели,
Что за трели у скворца.
Как на свежей акварели
Дом с фасада и с торца.
Ты качаешься в окошке,
Я живу в своей сторожке
То читаю, то пою.
Видишь, в час по чайной ложке
Проживаю жизнь свою.

Нет на свете такого угла,
Где бы я тебя спрятать могла.
Нет на свете такого приюта,
Где не властны ни сроки, ни смута,
Где бы ты отсиделся пока
Смертоносны и дни и века.

Вот и мы вместе с теми тенями сместимся,
Но останемся здесь и с землёй не простимся,
Только переместимся левой и правой,
Как пушинка, как облако, как соловей,
Как на лёгком ветру сор июньский цветочный.
Хорошо хоть, что мы помним адрес свой точный.

Ну зачем избавляться от нас?
Боже мой, ну кому мы мешаем?
Вот жилище своё украшаем
Васильками, что радуют глаз.
Вот спешим в жаркий полдень залезть
В гущу сада, что лепится к дому.
Мы Тебе да и миру земному
Постараемся не надоесть.

Время мчится. Это точно.
А зачем? Ведь мне не срочно.
Я б жила себе, жила,
Воздух медленно пила,
Воздух хвойный, воздух травный,
Я бы шла походкой плавной
По тропинке не прямой
То из дома, то домой.

Агу, мой сыночек, агуши, агу.
Я жить без тебя, мой родной, не могу.
К тебе прикипела навеки душой,
А ты не младенец, ты вырос большой,
Уходишь, приходишь, свободу любя,
Всю жизнь бы за ручку водила тебя.

Я не могу на такой высоте.
Могут те голуби, ласточки те.
Я не могу, хоть и хочется очень.
День по краям голубым оторочен,
Шёлком небесным, способным лиять,
Нежно струиться, оттенки менять.

Ну что вы смотрите, ромашки?
Да, мы другие. Мы не пташки.
Ступаем очень тяжело
И невесёлые зело,
И часто на судьбу серчаем
И с безразличием встречаем
Ваш удивлённый тихий взгляд
Два летних месяца подряд.

Воздуха столько: дыши – не хочу.
Хватит кузнечнику, хватит грачу,
Лютику, тополю, божьей коровке.
Ветер погладил меня по головке.
- Дышишь, мол, милая? Дышишь? Дыши.
Летние запахи так хороши.

Много лет и много дней
Я живу меж двух огней –
Меж рассветом и закатом.
Кто я? Так. Песчинка, атом,
Мира маленькая часть.
Так легко совсем пропасть.
Вот и думаю, гадаю
Почему не пропадаю.

Проснулась и, Господи, кто я и что я?
А в окна мне солнце глядит золотое.
Чем связана я с этим садом и домом
И с этим окошком и с тем окоёмом,
С цветком, что цветёт на окне моём пышно,
И с тем, кто по комнате ходит чуть слышно?

А знаешь, я ведь домоседка:
В моё окошко смотрит ветка.
Она всё тут, и я всё тут,
Сижу, пишу, а дни идут.
И, знаешь, мне совсем не скушно,
И ветка смотрит так радушно,
Так ласково кивает мне,
Как другу или как родне.

Ты помнишь ли меня, мой постаревший сад?
Тогда твоя сирень мне тоже душу грела.
Среди твоих кустов жила я год назад.
Ты помнишь ли меня? Я тоже постарела.

Мой постаревший сад, давай с тобой дружить,
Друг друга и любить и охранять до гроба,
Поскольку на земле так неуютно жить,
Поскольку ты и я – мы беззащитны оба.

А, может, я была скворцом
С весёлым, в пёрышках, лицом,
И пела, и глазком косила,
И корм детёнышам носила.
И, может, стану им опять,
Когда траву устану мять,
Не пропаду, не кану в лету,
А на ольху вспорхну вот эту.

Ничего я не знаю о странствии этом,
О себе, щедро залитой солнечным светом,
О тебе, хоть мы рядом уж лет пятьдесят,
И о тех небесах, что над нами висят,
О тропе, по которой шагаю послушно.
Потому-то, наверно, и жить мне не скушно.

Стремилась к музыке душа,
Но пальцы были, как лапша.
Играла Черни, Майкапара.
А в дневнике стояла «пара».
Так много страшных чёрных нот
Играла я из года в год
Давным-давно на Якиманке
Куда я шла с Большой Полянки.
И пальцы слушались едва
Под нудный счёт «и – раз, и – два»,
А музыка меня пленяла.
Учительница мне пеняла
За нерадивость. Как же быть?
Любить, конечно же, любить
Любовью пусть не разделённой,
Любить и умереть влюблённой.

Такой прозрачный день, что даже ось видна.
Видна земная ось. Вот-вот её коснёшься.
Что будешь делать ты, когда совсем проснёшься?
Ведь на сюжеты жизнь как будто не бедна.
А может, лучше жить в преддверии всего,
Лежать, глаза смежив, в сладчайшей полудрёме
И слушать скрип оси в пустом притихшем доме,
О будущем своём не зная ничего.

Мне важно, чтоб этот кузнечик скакал
И чтобы в росу свои лапки макал,
И чтобы роса серебрилась, блестела,
И чтобы душа не просилась из тела,
Но чтобы жила с моим телом в ладу,
И чтобы писались стихи на ходу.

Там ветка качнулась, там капля упала.
Я медленно шла, осторожно ступала.
Я так не хотела кому-то мешать,
Кого-то тревожить, покоя лишать.
Вот ива плакучая – гибкое древо.
Листвы не задев, обойду его слева.
А вот незабудка, что с миром в ладу.
Я справа, пожалуй, её обойду.

Жизнь, душа, дорога, вечность...
Боже, как нужна беспечность,
Детскость, лёгкость, тру-ля-ля,
Жить, танцуя и шая.
Чтобы, если рыкнут грозно,
Удивиться: «Ты серьёзно?»

Так леса хочется густого,
Но я в лесу сегодня снова.
Так сада хочется, но я,
Как и вчера, в саду своя.
Так надо быть с тобою рядом,
Но лесом прохожу и садом
С тобой. О чём мечтать теперь?
Ведь всё свершилось. Верь, не верь.

Э.В.Брагинской

Покой. Недвижны луч и тень
И даже шевелиться лень.
Лист не дрожит, и куст не гнётся.
А вдруг и время не зачтётся
Сегодня нам, и можно жить
И временем не дорожить?

Незабудки полиняли.
Цвет немного поменяли,
Но, как прежде, «В добрый путь», -
Говорят мне, - «Не забудь,
Как цвели мы вдоль оврага
И какое это благо
И какие чудеса
Видеть лес и небеса».

Я плохо в земной этой школе учусь,
Считаю ворон, на уроках верчусь,
Простую задачку решить не умею,
К доске меня вызовут – я онемею,
Вопрос зададут – буду тупо молчать.
Мне рано ещё эту школу кончать.
Ругайте меня, задавайте на лето,
Пусть только учёба не кончится эта.

Завтра будет новый дождь,
Завтра будет новый ветер,
Завтра в целом белом свете
След мой частый не найдёшь.
Завтра будет новый луч
И умытая дорога,
Завтра будет много-много
Совершенно новых туч.
Это значит, что и я
Быть должна такой же новой,
По возможности готовой
К переменам бытия.

Я дни не хочу коротать,
Хочу удлинять их, чтоб время
Исчезло, как лишнее бремя,
И воздух прозрачный глотать.
Пусть день будет долгим таким,
Чтоб я от него уставала,
Чтоб солнце мне спать не давало,
Светя за окошком моим.

Борису Хазанову

Нас позабудут, а потом
Забудут тех, кто нас забудет,
И ветер те следы остудит,
Что вьются в мире обжитом.

Но вдруг когда-нибудь опять
Воскреснет сыгранная нота,
Заставив чуткого кого-то
Заплакать или просиять.

Просто всё отложили до лучших времён:
Вот оденется в пурпур и золото клён,
Вот волна поцелует босые ступни,
Вот наступят лучистые снежные дни
Вот омоет жасмин дождевая вода,
Вот скворцы прилетят, и тогда, и тогда...

Гулял под дождём и совсем не скучал.
Ведь дождик по зонтику громко стучал,
С тобой говорил, заливая при этом
Земное пространство серебряным светом.
Вам с дождиком весело было вдвоём,
Хоть каждый из вас размышлял о своём,
И ты толковал на наречии местном,
А он на каком-то далёком, небесном.

Жить не спасая, не спасаясь,
А так – земли едва касаясь,
А так – танцуя и шутя,
Легко, как малое дитя,
Когда его никто не мучит.
И кто меня так жить научит?

А если поглубже зарыться в подушку,
То, может, забудем, что взяты на мушку.
А если укрыться в заросшем саду,
То, может, забудем, что мы на виду.
А ежели в травы густые улечься,
То, может, забудем, что глупо беречься,
Что жизнь – беспощадный и меткий стрелок,
И будет прострелен любой уголок.

Мы только с воздухом граничим,
С пространством солнечным и птичьим,
Где ветер, где листва летит
И нам дорогу золотит.
И с воздухом, где лист и птица,
Не охраняема граница.

А музыка была. Потом её не стало.
Наверное, она звучать внутри устала.
А, может быть, её в природе не осталось.
Осталась лишь одна смертельная усталость.
Усталость не звучит. Смогу ли жить немая,
Не разжимая губ и глаз не поднимая.

Я люблю твой ствол шершавый,
Мох твой жёсткий, лист твой ржавый,
Душу нежную твою.
Мы живём с тобой в краю,
Где живых легко изводят.
Ты дыши, пусть соки бродят.
Я держусь, и ты держись
И давай стремиться ввысь.

Чтоб быть счастливой надо мало:
Под старенькое одеяло
К бабуле вечером залезть,
И чтоб мне было только шесть,
Чтоб на ночь мне читали сказки,
Чтоб утром выйти, взяв салазки,
Туда, где снега пелена,
И чтобы кончилась война.

Я тишину перевожу
На русский, на певучий русский.
Берёза, ива, мостик узкий,
Тропа, где каждый день хожу.

А, может, мой напрасен труд,
И тишина красноречива.
Пускай молчат берёза, ива,
И мостик, и осенний пруд.

А смертные смертных младенцев рожают,
Заботой, вниманием их окружают,
Катают в коляске, на ручках несут,
Тетёшкают, но всё равно не спасут.
О Господи, это же бесчеловечно.
Ну разве не ясно, что жить надо вечно?
Сначала у мамы своей на руках
И дальше, и дальше, и дальше в веках.

Посторожи меня, пока я буду спать,
Посторожи меня, чтоб страшное не снилось,
Чтоб было мне легко, чтоб сердце ровно билось,
С тобой, любимый, жить – как по небу ступать.
Ты – добрый ангел мой и ангелов других
Не жду и не зову. Мне и тебя довольно.
И ночь моя тиха, и белый день мой тих,
И лишь о том, что всё не вечно думать больно.

Я говорить устала складно.
Я отдохну немного. Ладно?
Во мне сегодня нет огня.
Ты, муза, подожди меня.
Ведь в нашем деле нет корысти.
Ты дудочку пока почисти.

А жизни всё равно как течь,
Беречь нас или не беречь,
Лелеять, обращаться дурно,
Течь плавно, медленно, иль бурно,
Иль где-то посреди земли
Нас вдруг оставить на мели.

И тёмной ночью и средь бела дня
Надеюсь на неслыханное чудо.
Неслыханного ждать невесть откуда
Не отучили до сих пор меня.

Как мне не стыдно с головой седой
Мечтать о небывалом, невозможном,
Живя годами на корму подножном
В соседстве близком с бездной и бедой.

Я на землю попала впервые.
Здесь надышано. Рядом живые.
И они первый раз на земле
И не могут советовать мне,
Что мне делать с отпущенным сроком
Под небесным невидящим оком.

А мне не надо «как-нибудь».
Мне нужен небывалый путь
И яркий свет, и дивный воздух,
И небо в очень крупных звёздах,
И чтобы песнь моя была
Распахнутой, как два крыла.

Ну, здравствуй, светлый и пушистый.
Ты на траве, на кочке мшистой,
На листьях палых, на корнях.
Надолго ты в моих краях?
Ты первый, ты совсем младенец,
Ты чище белых полотенец.
И, чистоту твою любя,
Мне очень жалко мять тебя.

Снег падает, белое небо крошится.
А, может быть, счастливо всё завершится,
А, может быть, всё завершится без боли.
Страдать на земле мы обязаны что ли?
Кто выдумал, будто на пользу страданье?
Да будет волнующим наше свиданье
С землёй, с небесами, со снегом летучим.
Коль счастливы будем, мы им не наскучим.

Кончается год, то есть Domini Anno,
А жизнь выражается так же туманно,
Но мне по душе шепоток и намёки,
Колеблемый свет бесконечно далёкий,
И нравится мне, что ответ так уклончив,
Что я ухожу, разговора не кончив.

Я всё время на чей-то вопрос отвечаю.
Старый день провожаю, рассвет ли встречаю,
Оставляю ли след на пушистом снегу –
Отвечаю. Ответить никак не могу.
И кружа меж дерев, что растут над откосом
То отвечу мольбой, то отвечу вопросом.

А песенка, что родилась,
С моим дыханием слилась.
Пою ли я, дышу – не знаю.
Вот прохожу я птичьей стаей,
Они поют, и я пою,
Но каждый песенку свою.

* * *

Разговоры ведя или делая что-то земное,
Взять да вдруг распрямиться и руки на миг опустить,
В тишине наступившей услышать иное, иное
И увидеть, что чудо на шарике этом гостить.

И счастливо, - сказать уходящему мигу, - счастливо,
Мой летучий, мой праздный, мой солнечный, мой голубой.
Ты ведь тоже творил на лету это дивное диво,
И как жалко, что мы не увидимся больше с тобой.

Стихи 2009 - 2010 годов

Дни целомудренны, чисты,
В снегу деревья и кусты,
Фонарь, скамейка. И прохожий
Сегодня бел, как агнец Божий.

Продолжение следует, следует, следует.
Кто-то смотрит киношку, а кто-то обедает.
Слава Богу, черту ещё не подвели.
Слава Богу, не сдули с шершавой земли.
Надо как-то отметить событие это.
Как отметить – пытаюсь придумать с рассвета.

Здравствуй, - снег прошелестел. – Здравствуй, с возвращеньем,
Здесь встречаю я тебя чудным освещеньем,
Слава Богу, ты опять по утру проснулась
И, едва открыв глаза, в этот мир вернулась,
В мир, где я сейчас живу, тропы заметаю,
И тебя пожить зову и от счастья таю.

В постылых роюсь словесах
С упрямством мула.
Уж лучше б в чистых небесах
Я потонула,
Иль, глядя как летит искрясь
Снег на дорогу,
«Нет слов», - сказала бы дивясь,
«Нет слов, ей-богу».

И всё куда-то я иду
И дую в старую дуду,
Играю три привычных ноты,
А мне в ответ: «Уймись, ну что ты?
Ну жизнь, ну смерть, ну ночь, ну день.
Уймись, ну как тебе не лень?»

Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
Но больше всё-таки летаю.
Летаю я куда хочу:
То в день грядущий залечу,
То залечу я в день давнишний,
Где сад был с яблоней и вишней,
Где детям было мало лет.
Ей-богу, мне прощенья нет –
Ведь небо нынче так лучилось,
А я вот снова отлучилась.

И даже если это праздник, то он печален, он печален.
Живём среди снегов искристых, а будем жить среди проталин,
А дальше, если будет можно, увидим небо в вешней луже,
Но всё так зыбко, ненадёжно, да и торопят нас к тому же.

Что я делаю? Что? Ухожу.
Даже если сижу и лежу,
Даже если домой возвращаюсь
Всё равно ухожу и прощаюсь
И проститься никак не могу.
Я люблю этот город в снегу,
Просинь в небе, окошко родное,
Что-то горнее, что-то земное.

Такая важная ворона.
Сук для неё – подобье трона.
На землю смотрит свысока,
Как будто бы живёт века
И всё про землю понимает,
И нас всерьёз не принимает.

Больно даже когда прикасается воздух.
Снизойдёт ли покой, и наступит ли роздых?
И отпустит ли боль? Если да, то когда же?
Больно слово сказать. Больно выдохнуть даже.
Больно даже когда прикасаюсь я взглядом
К белоснежным ветвям, что живут со мной рядом.

Всё чисто, тихо, гармонично.
Я убедилась в этом лично.
Тихи снега и облака.
Не поднимается рука
Писать об этом мире плохо.
Какая б ни была эпоха,
Но плакаться в такие дни
И ночи – Боже сохрани.

Весёлая компания: синички, воробьи.
Я тоже пташка ранняя. Ты, жизнь, меня люби.
Желай мне лишь хорошего, не мучай, не томи,
Как птичек хлебным крошечком, посулами корми.
Не всё, конечно, сбудется, но будь со мной нежна,
Клюёт синичка, трудится, она ведь жить должна.
Я тоже жить намерена и нынче и потом,
Хотя и не уверена, что так уж прочен дом.

А нас учили и учили,
Нам даже корочки вручили,
А мы бытуем на земле,
Как первоклашки - на нуле,
И вроде руку поднимаем,
Но ничего не понимаем
И отвечаем наобум
Ни в зуб ногой и ни бум-бум,
Нам, школярам совсем зелёным,
Писать бы палочки с наклоном.

Я больше не могу, ей-богу.
Я бью тревогу, бью тревогу.
Дни, как безумные летят,
Остановиться не хотят.
А я хочу, чтоб дни стояли,
И чтоб далёко были дали,
А близко – три родных лица.
И так всё время, без конца.

Начало по концу тоскует
И завершённости взыскует.
Ну а конец, устав венчать,
Стремиться новое начать,
Чтобы начало истомилось,
Конца ждало, к концу стремилось.

Всё твоё, всё бери, но оставь мне хоть что-то.
Вот пытается выжить отважная нота.
Пожалей её, время, оставь, не души,
Ведь она задевает все струны души.
Под неё я жила, под неё я любила,
Драгоценные руки губами ловила.

На меня сегодня тратят столько воздуха и света,
Столько льющегося шёлка удивительного цвета,
Столько белых-белых тканей, столько нежных птичьих трелей,
Мне сегодня обещали, что я буду жить в апреле.
И за что – не понимаю. Мне за что подарки эти?
Неужели лишь за то, что я живу на белом свете?

Люблю весенние капризы.
Весне ещё не дали визы.
Она Бог знает сколько дней
Живёт лишь в хлопотах о ней.
Весна вот-вот её добудет
И прибежит и всех разбудит,
Разговорит, растормошит
И зимней лени лишишь,
Заставив течь, расти, трудиться,
Так повезло весной родиться.

Так живу, что, кажется, умру
От любви к своим родным и близким
И к дорожкам тающим и склизким,
Что сверкают в мартовском бору,
Где сейчас гуляем мы с тобой.
Так люблю, что сердце разорвётся,
Свет весенний нестерпимый льётся
Из бездонной выси голубой.

Я у вечности угол снимаю.
Что здесь делаю – не понимаю.
За него своей жизнью плачу,
Но съезжать всё равно не хочу.
Колорит полюбился мне местный,
Луч полуденный, купол небесный.

Ах, время, ты повремени,
И обмани, и помани,
Я так привыкла верить сказкам,
Твоим меняющимся краскам
И слушаю с открытым ртом
Твои «А дальше, а потом».

Снег последний на землю ложится.
С жизнью очень непросто ужиться,
С жизнью очень непросто дружить.
Надо как-то весну пережить.
Прежде встретить, а после спровадить,
А потом ещё с летом поладить.

Этот солнечный весёлый сквознячок.
Я прогульщица сегодня, я – сачок.
Талый снег и звонкий щебет на дворе,
Мама снова моет раму в букваре.
Всё сначала, всё сначала, всё с азов,
Свод небесный нестерпимо бирюзов,
И весна, что так лучиста и влажна,
Как младенческое темечко нежна.

Постой, не гони. Я ещё пригожусь.
Смотри, как я с буквой каждой вожусь.
Смотри, как я звукам весенним внимаю.
Смотри, как я близких своих обнимаю,
Как я наглядеться на них не могу.
Смотри, как подарки Твои берегу.

Учи меня, учи, учи
Сиять как вешние лучи,
Скользить как утренние тени,
Цвести как влажный куст сирени,
Как ветер с веточкой играть,
Легко как листья умирать.

Весенние птички щебечут так весело,
А я-то и рада. Я уши развесила.
Они уверяют, ликуя, звеня,
Что всё начинается с этого дня
И даже, вернее, с мгновения этого,
С летучего мига, лучами согретого,
И с праздничной просини между дерев,
И мне остаётся лишь ждать, замерев.

Но вечно даже то, что хрупко,
Как стебель, темечко, скорлупка.
Они ведь не перевелись.
Дитя, не бойся, здесь селись,
Ведь всё равно помимо тверди
Земной пока селиться негде.

Зима – на земле, а на небе – весна.
Земля не восстала ещё ото сна.
Куда ни шагни – всюду пышная сдоба,
Глазурная сдоба большого сугроба.
А там, наверху – бирюза, бирюза,
Лазурь, бирюза. Дай прикрою глаза.

А главное, чтоб мы любили
Родных и близких, чтоб ловили
Их каждый взгляд и каждый вздох.
Не смена всяческих эпох
Важна, а то, как руку гладим
Родную, как с родными ладим.

И всё зальёт живой водой,
Водой звенящей, молодой,
И буду, от лучей слепая,
По водам ледяным ступая,
Бродить на вешних сквозняках
По щиколотку в облаках.

Проснуться вновь на белом свете,
Где ты живёшь и наши дети,
И, значит, я могу опять
Здесь всех увидеть и обнять,
В дела с головкой окунуться,
А завтра вновь сюда вернуться
К моим родным на белый свет.
И кто сказал, что чуда нет?

Смерть умерла. Её не стало,
И жизнь бессмертная настала,
Бессмертная, как небеса.
Давайте верить в чудеса,
Необходимые, как воздух,
И как в пути короткий роздых.

Скоро приду к тебе, сад мой счастливый,
Сад мой, богатый грушовкой и сливой.
Скоро приду, и окно распахну
И аромат твой знакомый вдохну,
Скоро начну повторять ежечасно
Как мне на свете живётся прекрасно.

День на руках меня носил
И о любви меня просил,
Морочил дивными речами
И щёку щекотал лучами,
И я, любя тепло и свет,
Какой-то вздор несла в ответ.

Всё ожило – птицы и вербные ветки.
Живите и здравствуйте, Божие детки.
Живите пока есть возможность пожить
И крылья расправить и крылья сложить.

Да не старею я, а таю
На вешнем солнце. Птичью стаю
Влюблённым взглядом провожу.
Пускай я медленно хожу,
Зато я вижу всё подробно,
К апрельским дням дышу не ровно.
Люблю окрестности и даль
И льдинки тающей хрусталь,
И снега серого остатки,
И этот воздух горький, сладкий.

И как научиться без боли глядеть
На снежный покров, на осеннюю медь,
На летний ажур, на весеннюю жижу –
На всё, что я скоро совсем не увижу,
Совсем не увижу нигде никогда,
Навеки уйдя непонятно куда.

Всё длится это приключенье –
Ручья апрельского верченье,
Свеченье ласковых небес.
Сегодня счастья перевес
Над неудачей, невезеньем.
Так хорошо в лесу весеннем.
Веселье, праздник, сил прилив.
О, Боже, здесь нас поселив,
Ты совершил благое дело.
Сказала – и душа взлетела.

А птица на лету стареет,
В том воздухе, в котором реет,
Которым дышит, где поёт,
Свой совершая перелёт,
Где лёгкий дождик крылья мочит,
Куда душа моя так хочет.

Нет, никому не надо умирать,
А надо от восторга обмирать,
Когда ледок подтаявший крошится,
И исчезает снежная каша,
И бабочка проснулась час назад.
Есть только сад. Есть только райский сад,
Тот сад, куда ведёт тропа сырая,
И даже не нужны ключи от рая.

Касаться воздуха губами
Весеннего, что между нами
Струится и горчит слегка.
И вероятность велика,
Что можно жить – не сокрушаться
И перед смертью надышаться.

Вот окна открою, и пенье ворвётся.
Сегодня пернатым так дивно поётся
И слушать их – счастье, подарок судьбы.
До ближнего леса минута ходьбы.
До ближнего леса, до залы концертной.
Допущен туда каждый слушатель смертный.
И что ни солист – то серебряный звук,
Рождённый без всяких усилий и мук.

А куст, что наряднее день ото дня,
Так жалобно просит: «Запомни меня»,
И эта, бегущая под гору тропка
Запомнить её просит ласково, робко,
И лютик, растущий на склоне крутом,
Меня умоляет о том же, о том,
И всех, кто позвал меня, взглядом ласкаю,
Ношу в своём сердце и не отпускаю.

Весне дано начать сначала.
Я в этом плане подкачала.
Начать сначала не могу,
Я, видишь, силы берегу,
Чтобы хватило их на это
Непредсказуемое лето.

И бабочка наперерез,
И птица из-под ног вспорхнула.
Меня пока ещё не сдуло,
Он мой пока – весенний лес.
Я здесь ни ветки не сорву
И не примну здесь ни травинки.
Вон старый лист лежит на спинке
В цветном от медуницы рву.

Останови на мне взгляд голубой,
Небо большое с подсветкой весенней.
Я не прошу ни даров, ни везенья.
Просто хочу быть любима тобой.

Просто хочу, чтоб заметило ты
Как под твоими большими крылами
Я занимаюсь земными делами,
Не уставая от этой тщеты.

Ну что ж, пускай издалека
Пускай лишь чудится и манит
И явью никогда не станет
Пускай лишь тянется рука,
И душу ранящий напев
То слышится то пропадает,
И всё, о чём мечталось, тает
Там в отдаленье меж дерев.

Так хочется вывести у облаков
Мир необозримый и горний каков,
У лютика вывести у золотого,
Зачем он на землю пожаловал снова.
Так хочется вывести у тополей,
Какие широты их сердцу милей.
Так хочется вывести у человека,
Как быть, если призрачна Божья опека.

Зелёное, синее – всё через край.
Не рай на земле. Просто ласковый май.
Молчу о печалях. О них неудобно
Рассказывать ближним и дальним подробно.
Сегодня улыбка у всех на устах,
И птицы щебечут в цветущих кустах,
И мы с тобой нынче – куда нам деваться? –
Должны соответствовать – петь, заливаться.

Дней пять назад запели соловьи.
Мгновенье не поймаешь. Не лови.
Зато поймаешь тихий, тополиный
Летучий пух под голос соловьиный.
Как надо жить под пенье соловья?
О чём мечтая и куда плывя
В огромном море зелени и света?
На свой вопрос совсем не жду ответа.

Хочу побыть наедине
С печалью – очень старым другом.
Печаль всегда к моим услугам.
Лишь позову – спешит ко мне.

Мы с ней молчим, мы с ней поём,
Нам с ней вдвоём совсем не скушно,
Она сидит со мной послушно
Когда угодно – ночью, днём.

Пой, соловей, хоть твой коран
Не вылечит душевных ран.
Когда поёшь, ещё больнее
При мысли, что расстаться с нею,
С волшебной жизнью предстоит.
Погода дивная стоит.
Пой, незаметный самородок.
Позволь, задравши подбородок,
Смещая взгляд левей, правей,
Тебя искать среди ветвей.

Нет, я не могу закаляться как сталь.
Мне страшно за близких, мне прошлого жаль.
Я в новое утро вхожу осторожно,
Средь новых широт озираюсь тревожно,
Расстаться с тобой, мой любимый, боюсь
На час, на минуту, и тихо молюсь.

А я и не стремлюсь на волю.
То по оврагу, то по полю
Блуждаю я в земном плену.
То листья мну, то травы мну.

В земном плену живя с рожденья,
Совсем не жду освобожденья
И даже опасуюсь дня
Когда освободят меня.

Господи, жизнь – это гиблое дело,
Вот небеса - не имеют предела.
А постоялец несчастной земли
Слышит однажды: «Ну хватит. Умри».
Не надышался, не нагляделся,
Не долюбил. Так куда же он делся?
И не преступно ли гнать его прочь
С этой земли в соловьиную ночь?

И каждый росток утверждает: «Я сам»
И тянется вверх – к небесам, к небесам.
И каждый цветочек, приземистый даже,
Стремится туда же, туда же, туда же.
И дерево к небу стремится, шурша
Листвой. И туда же стремится душа.

О чём всё сущее, о чём?
Мы в жизни мало что сечём.
Она – загадка, тайна, мрак,
Но можно ведь прожить и так,
Не понимая ни аза.
Ведь всё равно блестит слеза,
И смех серебряный звучит,
И сердце бедное стучит.

Он, может, ответил мне тысячу раз
И тысячу раз от погибели спас,
И тысячу строчек мне продиктовал,
И руку незримую мне подавал.
Я просто, наверно, не очень чутка.
К тому же и память моя коротка.

А знаешь? Этот день – последний.
Прощайся в рощице соседней
С его лучом и тенью, с ним.
Вот он уже другим тесним.
Тем, что иное затевая,
Спешит, проститься не давая.

Если это не рай, то преддверье.
Вот у птиц разноцветные перья.
Вот на листьях волшебный узор,
Вот меж листьями дивный зазор,
Вот трава серебрится сырая.
Предвкушенье – прекраснее рая,
Предвкушенье, преддверье того,
Чего не было ни у кого.

И я – в единственном числе,
И ты. Ты тоже одиночка,
Как на пустой странице точка
Или как искорка в золе.

Как в одиночку выжить здесь?
Но мы глагол «любить» спрягаем,
Друг другу выжить помогаем,
Преображая космос весь.

Рождение дня и затуханье,
И блеск его – Творца дыханье,
И пёстрой бабочки пыльца –
Дыханье лёгкое Творца,
И куст сирени в разных видах –
Творца легчайший вдох и выдох.

Надежда может извести
Куда сильней, чем безнадёжность.
Пока мне чудится возможность
Всё удержать и всё спасти.
Я трепыхаюсь, верю, жду
И даже делаю попытку
И длю бессмысленную пытку
С законом жизни не в ладу.

Нет, ещё не пора, не пора,
Ведь не кончилась эта игра
Ветра с листьями, бликов с тенями,
И ещё мы живём меж огнями,
И роса, как хрусталь баккара,
И трава молода и нежна,
И сирень то цвела, то сорила,
Разве я их отблагодарила
И сказала им всё, что должна?

Куда мне до него? Счастливый, как любовник,
Сияет юный куст, июньский куст – шиповник.
Мы населяем с ним одну и ту же землю,
Его душа поёт, а я с восторгом внемлю.
Куда мне до него? Я рядом с ним немею,
Цвести так не могу, сиять так не умею.

Есть возможность прожить это лето в саду.
Я ценю это лучшее время в году.
Я ценю с каждой веткой зелёной соседство.
Чтоб писались стихи это лучшее средство.
К слову «счастье» я рифму сегодня ищу
И о том, что на свете их мало, грущу.

А небо довело меня до слёз –
Оно так нестерпимо светоносно,
И на земле так солнечно и росно,
И всё это июнь с собой принёс.

Ему для нас не жалко ничего –
Ни воздуха, ни света и ни красок,
И ни бесшумных лепестковых плясок
Вокруг куста в день ветряный его.

О, Боже мой, Боже, какая акустика!
Доносится пение с каждого кустика –
И справа и слева. Какой резонанс!
И впал соловей в долго длящийся транс.
И как его пение дивное вынести
И, веточкой хрустнув, из транса не вывести?

Любите меня, я прошу вас, любите
И веткой меня за рукав теревите.
Деревья, родные, любите меня.
Я друг вам, а может быть даже родня.
Я тоже вросла в эту землю корнями.
Я тоже общаюсь с лучами, с тенями.

Душа взлетела и летит.
Боюсь, от Господа влетит
За то, что душу отпустила,
Хоть на земле не догостила.
Ведь раньше срока среди дня
Душа покинула меня,
Чтоб отдохнуть от рамок тесных
Там, в эмпиреях неизвестных.
Что ж, пусть поплавает одна.
А вдруг да принесёт она
От небожителей, оттуда
Земле неведомое чудо.

И лесенка, лесенка прямо в сирень,
И прямо из ночи в сияющий день,
И прямо из сна в многоцветие яви.
Нет, я на судьбу обижаться не вправе.
И прямо в объятья из дома, с крыльца
По шатким ступенькам. И так без конца.

Спасибо, мне всего хватило:
Мне небо щедро так светило,
Трава ступни мои ласкала,
Тропа меня не отпускала,
Меня здесь на руках носили
И ни о чём не попросили.

Задержи на мне взгляд, белый день, задержи.
На земле – незабудки, а в небе – стрижи.
Ты приветил стрижа, приютил незабудку.
И на мне задержи светлый взгляд на минутку.
Я с твоими цветами, стрижами дружна.
Дай мне знать, что и я тебе тоже нужна.

А нынче у меня опять
Свиданье с прудом, с бересклетом,
Свиданье с целым белым светом,
Мы встретимся, чтоб просиять.
Мы встретимся, чтоб просиять,
В любви друг другу объясниться.
Мне даже ночью будет сниться
Тот лютик, что боюсь примять.

Я хочу в этом мире присутствовать лично
В день погожий иль пасмурный – мне безразлично.
Зацветает ли вишня, снега ли метут –
Я хочу только лично присутствовать тут,
Потому что могу только лично, при встрече
Говорить, не таясь, свои пылкие речи.

Всё крылатое, лёгкое, летнее...
Становиться бы всё незаметнее,
Стать бы воздухом, травами пахнущим,
И лучом, потихонечку гаснущим,
Лепестками, дождями омытыми,
Снами сладкими, утром забытыми.

Как хорошо им, бестелесным –
Теням густым, лучам небесным.
И мне бы так, и мне бы так –
Бесплотной быть, как свет и мрак,
Чтоб то ли есть я, то ли нету.
Что сделается мраку, свету?

Никто не гонится. Пстой
Где хочешь – хоть в траве густой,
Хоть на свету. И время встало.
Оно лететь вперёд устало.
Всё встало, замерло, отбой.
И тишина в тебе, с тобой.

Так жизнь хороша, что тоскую по ней:
По блеску закатных, рассветных огней,
По ветру, который лицо обвевает,
По ливню, который меня поливает,
Тоскую по каждой минуте земной,
По близким, которые рядом со мной.

Когда сирень в окно вломилась,
Что делала душа? Томилаась.
Она другого не умеет.
А от сирени счастьем веет,
Желанным, близким и тревожным,
На этом свете невозможным.

Что за страсть – угасать, отцветать, облетать,
К уходящему нежные чувства питать.
Почему не бывает, чтоб длилось и длилось
Всё хорошее, что в этом мире скопилось,
Чтоб никто не искал среди пепла, в золе
Ту любовь, без которой нельзя на земле?

А, знаешь, у меня роман
С июнем, с озером и садом,
Ласкаю всех влюблённым взглядом
И, как заправский графоман,
Пишу любовные стихи
По пять, по шесть, по семь за сутки,
То воспеваю незабудки,
То лютики и лопухи.
Пишу: «О, воздух! О, вода!»
А мне в ответ то плеск, то шорох.
Моих посланий целый ворох
Несут ветра невесть куда.

Звучит с заката да заката
Мелодия. Её легато
Играет лето. Длится звук,
Рождённый безо всяких мук.
Июнь, июль – всё мелос, мелос.
Так хочется, чтоб долго пелось,
Не зная паузы, лилось,
И чтобы счастливо жилось.

Зачем мгновенью говорить:
«Постой, мгновенье, ты прекрасно»,
Его удерживать опасно.
Пусть вечно вьётся жизни нить.

Лети, мгновенье, мы с тобой.
Мы за тобой в огонь и воду.
Твою летучую природу
Любить назначено судьбой.

Сегодня дерево казнили.
Пилу в живую плоть вонзили.
Оно лежит и в облака
Глядит, зелёное пока,
И птичка сказочной расцветки
Поёт, поёт на мёртвой ветке.

Творенье – разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул – и вот
Земная твердь, небесный свод.

Ах, лето, лето, ты летишь,
Ты мчишься, под ноги не глядя.
Давай запру тебя в тетради,
Где всё про тень твою и тишь,
Про тень и тишь, и благодать,
И дождь, в котором мир купался,
Но ветер, что в окно ворвался,
Раскрыл и растрепал тетрадь.

Я верю заросшему пруду с геранью
И небу – его чистоте и сиянью,
Лучу, что не гаснет, по листьям скользя.
Я верю всему, чему верить нельзя,
Всему, что внушает то нежно, то страстно,
Что жить в этом мире совсем не опасно.

Какое счастье, что попала
В разгар веселья, пира, бала!
Всё шелестит, блестит, цветёт,
И по губам стекает мёд.
Когда, устав, я с ног валилась,
Царица бала появилась,
Возникла вдруг меж лиц и спин
Вся в белом, и звалась жасмин.

Жить летом, как упасть в объятия.
Июльский ветер треплет платье,
Трава ступни слегка щекочет...
Всё будет, что душа захочет,
Всё, что словам не поддаётся,
И смертным в руки не даётся.

Всё заново – с первой волшебной минуты,
Чтоб вспыхнули маки в саду, как салюты,
Чтоб бабочка нежно на маки садилась,
И чтобы надежда в душе зародилась
На то, что мне срок прожитой не зачтётся,
И всё только с этой минуты начнётся.

А я пришла сюда за светом,
За вразумительным ответом,
За добрым словом, за участием,
Короче, я пришла за счастьем.

И все сюда пришли за этим.
Что в результате мы ответим,
Когда нас спросят: «Сердце радо?»
Не надо спрашивать, не надо.

Нет, музыка, я помнить не хочу.
Не возвращай в минувшее, не мучай.
Мне больно от божественных созвучий.
Жить с этой болью мне не по плечу.

Нет, музыка, пока моя земля
Меня держать, меня носить согласна,
Не проникай мне в душу. Ты – опасна,
Хоть ты всего лишь фа, и соль, и ля.

Когда звучишь, не знаю, как мне быть.
Ты вся о том, что я хочу забыть.

Что ушло, то ушло. Место освободилось.
Для событий других оно мне пригодилось.
Что ушло, то ушло. Больше воздуха стало.
Хорошо, что я жить на земле не устала.

Я всё о себе рассказала давно.
Одним интересно, другим всё равно.
Я всё рассказала о том и об этом,
А мир не желает делиться секретом,
А мир не желает делиться со мной
Секретом небесным и тайной земной.

Жизнь требует большой сноровки
От божьей маленькой коровки,
От бабочки, от паука
И от меня наверняка.
И если б я жила умело,
Тогда душа бы не болела.

А пауза прекрасней всех словес.
Она, как меж ветвями, синь небес.
Я в паузу – мала она, длинна –
Как в тайну безоглядно влюблена.
Как в тайну, как в несбыточное то,
Чего не в силах разгадать никто.

Оглянешься – всё далеко-далеко.
Вперёд поглядишь – всё далече, далече.
Там что-то, о чём ещё не было речи,
Что даже представить себе нелегко.
Всё дали и дали. Простор и простор.
Одно пережито, другое маячит,
А то, что сегодня смеётся и плачет,
Увлёкшись далёким, не вижу в упор.

И птица в воздухе парила,
Но я об этом говорила.
Лучилось небо, свет лия,
Но и о нём сказала я.
Под небом серебрилась речка,
И для неё нашла словечко.
Но слышу я в который раз:
«Ещё, ещё скажи про нас».

Я копуша. Я долго вожусь.
Видишь, я допоздна не ложусь,
Видишь, медленно как просыпаюсь.
Не сердись, что так долго копаюсь
И не ставь мне всё это в вину,
Это я просто время тяну.
Может, если возиться, копать
Будешь век в волнах жизни купаться.

А вот и ещё одна дивная краска –
Болотная светло-зелёная ряска.
Да разве она не достойна холста?
И ждущего строчек пустого листа?
Да разве она не должна быть любима?
А я проходила всё мимо и мимо.

Все, как в облаке, в чём-то своём.
О своём говорим и поём,
О своём и грустим и мечтаем
И любимый свой томик листаем.
Каждый в облаке плотном, густом,
И нельзя попросить о простом:
В чьё-то облако переселиться,
С кем-то хоть на мгновение слиться.

Я уснула одна, а проснулась другая,
Хоть глядела в окно та же синь дорогая,
Узнавая и не узнавая меня.
Что мне ждать от себя и от нового дня –
Небывалого взлёта, находки, пропажи?
Так таинственно всё, сердце ёкнуло даже.

Сыну Илюше

Давай я поделюсь с тобой
Вон той полоской голубой,
Вот этим воздухом прозрачным,
Вот этим деревцем невзрачным,
Тропой, что под ногой вилась,
Строкой, что только родилась.

У музыки моей на лице конопушки.
То в чаше живёт она, то на опушке,
То возле кормушки, то возле пруда.
И что ни диктует мне – всё ерунда:
Ни сложных метафор, ни умных наречий
А просто обычный язык человеческий.

А снег – он лёгок на помине.
Сверкает он на мне, на сыне,
На ветках дуба и ольхи,
И на листочке, где стихи
Мои о том, как снег кружился
И, покружившись, спать ложился.

Удивительно, как это всё сочинили!
Например, эту рощу соседнюю или
Близлежащее озеро, светлые дали,
Небеса сочинили и цвет угадали
Мой любимый лазурный с оттенком молочным.
В этом дивном пространстве, что кажется прочным,
Только с нами, пожалуй, беда. А точнее,
Надо чтобы мы были немного прочнее.

А мне бабуля мажет жиром щёки,
Чтоб не замёрзли. Я иду гулять.
Мир детства моего такой далёкий.
Мороз и солнце. Мне, наверно, пять.
Мороз и солнце. Новенькие санки
Перевернулись. Велика беда.
Всё с тех времён – и чаянья и ранки,
И крылышки прорезались тогда.

Спроси, чем я жива. Отвечу, что люблю.
Спроси, чем я жива. Отвечу, что любима,
Что наступивший день я, как умею, длю
И что душа моя, как куст, неопалима.
Скажу, что жизнь моя есть чудо из чудес,
Что я сама себе завидую всё время.
А ведь она могла страшить как тёмный лес,
И безнадежный бред, и пагубное бремя.

А меня не учили стареть,
А меня умирать не учили.
Луч небесный однажды вручили
И велели сиять и гореть
Каждый год, каждый день, каждый час,
Не дымя, не чадя, не сгорая,
Вопреки, несмотря, невзирая,
Освещая и тех, кто погас.

Запнуться бы, забыть бы слово,
Которое давно не ново,
И плавно льющуюся речь
Прервать, не дав ей дальше течь,
Потом в смущении великом
На языке каком-то диком
Заговорить, но так, чтоб вдруг
Преобразилось всё вокруг.

Наплывы нежности немислимой такой.
С ней справиться я даже не пытаюсь.
К твоей щеке прижмусь своей щекой.
Мне хорошо, когда тебя касаюсь.

Мне хорошо. И если уж хотеть
Чего-нибудь, о чём-нибудь молиться,
То лишь о том, чтоб было так и впредь,
Чтоб дальше длилось то, что нынче длится.

День так светел и тих. Я его не хочу отпускать.
Буду воздух его пить по капле, как через соломку.
Все картинки его буду любящим взором ласкать:
И глазурный сугроб, и на дереве снега бахромку.

День младенчески чист и прозрачен. И всё ещё мой.
Как его ублажить, чтоб ему уходить не хотелось?
Может, радуясь свету, от счастья светиться самой?
Боже, сколько снежинок весёлых на праздник слетелось!

Всё в воздухе есть. Надо лишь отыскать,
Однажды нащупать и не отпускать.
Рисунок и строчка, и песенка эта
Таилась и пряталась в воздухе где-то.
Художник, который нас так одарил,
Нащупал всё это, а не сотворил.

Содержание

Стихи 2008 года

Не торопи, не торопи,
Почитаю, отложу,
Так тяжко, хоть вроде иду налегке,
Черно-белая картинка.
Погоди, я с тобой, я с тобой.
А сегодня в окно поглядела – весна.
Свежий снег мне с утра постелили
Мне так плохо с собой. Можно возле тебя
И вспомнила я телефон-автомат.
Той зимой я сходила с ума,
Ты знаешь адрес мой земной,
Уходить нельзя отсюда,
Я тихонечко лежу,
Какие у меня права
Да разве я знала, что будет так грустно,
Конец зимы. Кружится голова.
Когда я только начинала,
Нынче ранняя побудка
Заслони меня облако, дерево, куст.
Здесь мостик над речкой дощатый и узкий,
Всё давно началось, а когда - неизвестно.
А птицы над ухом поют и поют,
Весенняя поросль, вешняя дымка.
Мир этот майский из листьев и трав...
Я так давно сюда попала,
А небо тоже одиноко.
Я всё о себе, а ведь надо о мире,
Вешним дождиком всё окропило...
Не верю я, что это всё.
Мельканье суток и недель,
А ты заглянул бы в соседнюю рощу.
Кто придумал бересклет?
Здесь все одиноки: деревья, дороги,
Дожить мечтала до тепла,
Гули, гули, младенец ты мой,
Низ зелёный, а верх голубой.
Здравствуй, ветка, ты на месте.

Нет на свете такого угла,
Вот и мы вместе с теми тенями сместимся,
Ну зачем избавляться от нас?
Время мчится. Это точно.
Агу, мой сыночек, агуши, агу.
Я не могу на такой высоте.
Ну что вы смотрите, ромашки?
Воздуха столько: дыши – не хочу.
Много лет и много дней
Проснулась и, Господи, кто я и что я?
А знаешь, я ведь домоседка:
Ты помнишь ли меня, мой постаревший сад?
А, может, я была скворцом
Ничего я не знаю о странствии этом,
Стремилась к музыке душа,
Такой прозрачный день, что даже ось видна.
Мне важно, чтоб этот кузнечик скакал
Там ветка качнулась, там капля упала.
Жизнь, душа, дорога, вечность...
Так леса хочется густого,
Покой. Недвижны луч и тень
Незабудки полиняли.
Я плохо в земной этой школе учусь,
Завтра будет новый дождь,
Я дни не хочу коротать,
Нас позабудут, а потом
Просто всё отложили до лучших времён:
Гулял под дождём и совсем не скучал.
Жить не спасая, не спасаясь,
А если поглубже зарыться в подушку,
Мы только с воздухом граничим,
А музыка была. Потом её не стало.
Я люблю твой ствол шершавый,
Чтоб быть счастливой надо мало:
Я тишину перевожу
А смертные смертных младенцев рожают,
Посторожи меня, пока я буду спать,
Я говорить устала складно.
А жизни всё равно как течь,
И тёмной ночью и средь бела дня
Я на землю попала впервые.
А мне не надо «как-нибудь».
Ну, здравствуй, светлый и пушистый.

Снег падает, белое небо крошится.
Кончается год, то есть Domini Anno,
Я всё время на чей-то вопрос отвечаю.
А песенка, что родилась,
Разговоры ведя или делая что-то земное,

Стихи 2009 - 2010 годов

Дни целомудренны, чисты,
Продолжение следует, следует, следует.
Здравствуй, - снег прошелестел. – Здравствуй, с возвращением,
В постылых роюсь словесах
И всё куда-то я иду
Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
И даже если это праздник, то он печален, он печален.
Что я делаю? Что? Ухожу.
Такая важная ворона.
Больно даже когда прикасается воздух.
Всё чисто, тихо, гармонично.
Весёлая компания: синички, воробьи.
А нас учили и учили,
Я больше не могу, ей-богу.
Начало по концу тоскует
Всё твоё, всё бери, но оставь мне хоть что-то.
На меня сегодня тратят столько воздуха и света,
Люблю весенние капризы.
Так живу, что, кажется, умру
Я у вечности угол снимаю.
Ах, время, ты повремни,
Снег последний на землю ложится.
Этот солнечный весёлый сквознячок.
Постой, не гони. Я ещё пригожусь.
Учи меня, учи, учи
Весенние птички щебечут так весело,
Но вечно даже то, что хрупко,
Зима – на земле, а на небе – весна.
А главное, чтоб мы любили
И всё зальёт живой водой,
Проснуться вновь на белом свете,
Смерть умерла. Её не стало,
Скоро приду к тебе, сад мой счастливый,
День на руках меня носил
Всё ожило – птицы и вербные ветки.
Да не старею я, а таю

И как научиться без боли глядеть
Всё длится это приключенье –
А птица на лету стареет,
Нет, никому не надо умирать,
Касаться воздуха губами
Вот окна открою, и пенье ворвётся.
А куст, что наряднее день ото дня,
Весне дано начать сначала.
И бабочка наперерез,
Останови на мне взгляд голубой,
Ну что ж, пускай издалека
Так хочется выведать у облаков
Зелёное, синее – всё через край.
Дней пять назад запели соловьи.
Хочу побыть наедине
Пой, соловей, хоть твой коран
Нет, я не могу закаляться как сталь.
А я и не стремлюсь на волю.
Господи, жизнь – это гиблое дело,
И каждый росток утверждает: «Я сам»
О чём всё сущее, о чём?
Он, может, ответил мне тысячу раз
А знаешь? Этот день – последний.
Если это не рай, то преддверье.
И я – в единственном числе,
Рожденье дня и затуханье,
Надежда может извести
Нет, ещё не пора, не пора,
Куда мне до него? Счастливый, как любовник,
Есть возможность прожить это лето в саду.
А небо довело меня до слёз –
О, Боже мой, Боже, какая акустика!
Любите меня, я прошу вас, любите
Душа взлетела и летит.
И лесенка, лесенка прямо в сирень,
Спасибо, мне всего хватило:
Задержи на мне взгляд, белый день, задержи.
А нынче у меня опять
Я хочу в этом мире присутствовать лично
Всё крылатое, лёгкое, летнее...
Как хорошо им, бестелесным –
Никто не гонится. Постой
Так жизнь хороша, что тоскую по ней:

Когда сирень в окно вломилась,
Что за страсть – угасать, отцветать, облетать,
А, знаешь, у меня роман
Звучит с заката да заката
Зачем мгновенью говорить:
Сегодня дерево казнили.
Творенье – разве это труд?
Ах, лето, лето, ты летишь,
Я верю заросшему пруду с геранью
Какое счастье, что попала
Жить летом, как упасть в объятия.
Всё заново – с первой волшебной минуты,
А я пришла сюда за светом,
Нет, музыка, я помнить не хочу.
Что ушло, то ушло. Место освободилось.
Я всё о себе рассказала давно.
Жизнь требует большой сноровки
А пауза прекрасней всех словес.
Оглянешься – всё далеко-далеко.
И птица в воздухе парила,
Я копуша. Я долго вожусь.
А вот и ещё одна дивная краска –
Все, как в облаке, в чём-то своём.
Я уснула одна, а проснулась другая,
Давай я поделюсь с тобой
У музы моей на лице конопушки.
А снег – он лёгок на помине.
Удивительно, как это всё сочинили!
А мне бабуля мажет жиром щёки,
Спроси, чем я жива. Отвечу, что люблю.
А меня не учили стареть,
Запнуться бы, забыть бы слово,
Наплывы нежности немислимой такой.
День так светел и тих. Я его не хочу отпускать.
Всё в воздухе есть. Надо лишь отыскать,